

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Н. О. Булгакова¹, О. В. Седельникова²

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОРТРЕТА СТАВРОГИНА В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена исследованию особенностей передачи портретного описания Николая Ставрогина в разновременных переводах романа Ф.М. Достоевского «Бесы» на французский язык. Портрет рассматривается как важный элемент поэтической и смысловой структуры романов писателя. Авторы проводят сопоставительный анализ фрагментов романа «Бесы» и их переводов на французский язык, выполненных В. Дерели и А. Марковичем. Цель работы – выявить специфику воспроизведения портрета Ставрогина в переводах романа Ф.М. Достоевского «Бесы» на французский язык.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Бесы», Ставрогин, портрет, художественный перевод, идиостиль, французский язык, диалог культур

N.O. Bulgakova, O.V. Sedelnikova

National Research Tomsk Polytechnic University

REPRESENTATION OF THE PORTRAIT OF STAVROGIN IN TRANSLATIONS OF “DEMONS” BY F.M. DOSTOYEVSKY INTO THE FRENCH LANGUAGE: PROBLEM STATEMENT

¹ Наталья Олеговна Булгакова, аспирант кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского политехнического университета.

² Ольга Викторовна Седельникова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского политехнического университета.

The article is dedicated to the analysis of particularities of Nicolai Stavrogin's portrait description in translations of F.M. Dostoyevsky's novel "Demons" into the French language. The portrait is considered an important element of the poetic and semantic structure of the writer's novels. The authors make a comparative analysis of the chosen fragments of the novel "Demons", representing a portrait of Stavrogin, and their translations into the French language. The aim of the work is to reveal peculiarities of representation of Stavrogin's portrait in the translation of Dostoevsky's novel "Demons" into the French language.

Key words: F.M. Dostoyevsky, "Demons", Stavrogin, portrait, literary translation, individual style, the French language, cultural dialogue, Derély, Markowicz

Ф.М. Достоевский – один из самых известных русских писателей за рубежом, в том числе, во Франции. Самым сложным в философском плане произведением писателя является роман «Бесы» (1871-1872 гг.). Изначально это произведение получило отрицательную оценку Э.М. Вогуэ, чья книга «Le roman russe» [Русский роман, 1886] сыграла значительную роль в формировании устойчивого интереса к Достоевскому не только во Франции, но и в других европейских странах [Оливьери, 2007, с. 555; Дудкин, Азадовский, 1973, с. 677]. Однако события политической истории России 1910-20-х гг. заставили французов переосмыслить как содержание романа «Бесы», так и его художественные особенности. К настоящему моменту известно шесть переводов «Бесов» на французский язык (1886, 1925, 1932, 1952, 1960, 1995), а также два отдельных перевода главы «У Тихона» (1922, 1923). Идейное и философское содержание романа высоко ценили А. Жид (Gide, 1911, С. 48), А. Сюарес [Suarès, 1954, с. 122-123], А. Камю [Camus, 1962, с. 1886] и другие представители французской культуры. Всё это обуславливает актуальность изучения франкоязычных переводов этого произведения.

Главный герой романа «Бесы» – Николай Ставрогин – противоречивый и сложный образ не только в русской, но и в мировой литературе. Достоевский создаёт этот персонаж, желая найти причины трагического угасания личности, потенциально способной на великие свершения [Достоевский, 2008, с. 21]. Неоднозначность образа героя в произведении отражена в его портретном описании. Портрет представляет важный элемент поэтической структуры романов

Достоевского. Г.С. Сырица рассматривает портреты, созданные писателем, как «носители концептуально значимой информации» [Сырица, 2007, с. 3]. Романист не использует развёрнутые описания героев, пространные объяснения их сущности. Вместо этого он создаёт лаконичный портрет персонажа, в котором каждая деталь и способы её словесного выражения помогают читателю самостоятельно постичь внутренний мир героя. Достоевский представляет портреты персонажей, не создающие «твёрдого и предопределяющего образа» [Бахтин, 2016, с. 73] По этой причине облик героев всегда остаётся амбивалентным и незавершённым. В «Бесах» эта черта авторского стиля писателя определяет внешний вид Николая Ставрогина.

В романе «Бесы» Достоевский с самого начала создаёт противоречивый образ Ставрогина, лишь намекая на глубокие драматические причины, определяющие его сущность [Булгакова, Седельникова, 2015, с. 235-239]. Важную роль в этом отношении выполняет портрет героя – первая ступень на пути познания читателем натуры Князя. Черты персонажа, лишь лаконично намеченные в начале романа в ряде портретных зарисовок, взаимодополняющих друг друга, последовательно раскрываются автором в событийной канве произведения, позволяя понять трагедию Ставрогина.

Очевидно, что в данном контексте проблема воссоздания портрета Ставрогина в переводах на французский язык приобретает особую актуальность: переводчик, стремящийся передать ценностно-философское содержание романа «Бесы» на французский язык, должен уделить особое внимание способам передачи идиостиля писателя, без отражения которого нельзя воспроизвести портрет Ставрогина.

Чтобы выявить способы передачи авторского стиля Достоевского в переводах романа «Бесы» на французский язык, нами был проведён сопоставительный анализ фрагментов текста, содержащих портретное описание Ставрогина и их переводов, выполненных Виктором Дерели (1886) и Андре Марковичем (1995). Выбор этих двух переводов обусловлен их особым положением в истории французской рецепции романа «Бесы». Перевод Дерели интересен тем, что он является первым переводом романа на французский язык, по которому с произведением познакомились в течение 39 лет. Его публикация во Франции в 2010 г. издательством Omnibus свидетельствует о том, что он востребован и у современных французских читателей. Интересно, что работа Дерели иллюстрирует концепцию перевода художественных произведений на русский язык, господствовавшую во Франции в XIX в. Ее отличие заключалось в

стремлении переводчиков адаптировать иностранную литературу к требованиям литературы французской [Lombez, Kulesa, 2007, с. 241]. Последний же перевод романа, созданный А. Марковичем, интересен новаторским подходом переводчика-билингва, заключающимся в его стремлении воспроизвести посредством французского языка особенности авторского стиля Достоевского [Маркович, 1996, с. 259].

Важно отметить, что в первой части романа сущность Ставрогина нельзя оценить однозначно. С одной стороны, герой предстаёт перед читателем как источник зла, проникающий в общество и намеренно его разрушающий, губящий человеческие жизни. Однако уже первый портрет Князя, представленный в главе «Принц Гари. Сватовство» иллюстрирует сложность и противоречивость его образа. Этот портрет – самое пространное описание героя, передающее не только основные черты Ставрогина, но и общую атмосферу в городе. Помимо фрагментов, представляющих описание персонажа хроникёром в указанной выше главе для анализа был выбран отрывок из главы «Премудрый Змий». В нём рассказчик описывает появление Ставрогина непосредственно перед изложенными в романе событиями.

Хроникёр приступает к описанию Ставрогина, излагая свои отрицательные ожидания, сложившиеся по слухам о поступках и жизни героя. Однако Антон Лаврентьевич сразу же отмечает неоднозначность Князя, подчёркивая полное несоответствие ожидаемого действительному облику персонажа¹:

А «Я ждал встретить какого-нибудь грязного оборванца, испитого от разврата и отдающего водкой. Напротив, это был самый изящный джентльмен из всех, которых мне когда-либо приходилось видеть, чрезвычайно хорошо одетый, державший себя так, как мог держать себя только господин, привыкший к самому утонченному благообразию» [Достоевский, 1974, т. 10, с. 37].

В « Je m'étais figuré Nicolas Vsevolodovitch comme une sorte de *bohème débraillé, aux traits flétris par le vice et les excès alcooliques. Je trouvais au contraire en lui le gentleman le plus correct* que j'eusse jamais rencontré; sa mise ne laissait absolument rien à désirer, et ses façons étaient

¹ Здесь и далее в примерах под буквой «А» представлен оригинальный текст, под буквой «В» – перевод В. Дерели и его подстрочный перевод, под буквой «С» – перевод А. Марковича и его подстрочный перевод. Подстрочник мой. – Н.Б.

celles d'un monsieur habitué à vivre dans le meilleur monde » [Dostoïevsky, 1886, с. 25]¹.

«Я представлял себе Николая Всеволодовича как нечто вроде *ведущего беспорядочный образ жизни развязного, с увядшими чертами от разврата и злоупотреблений алкоголем. Я находил наоборот в нём джентльмена самого пристойного*, что я когда-либо встречал; его манера одеваться была безупречной, и его манеры были господина, привыкшего жить в лучшем мире».

В данном случае перед переводчиками встаёт задача передать на французский язык неоднозначность образа Ставрогина, отражённую в его портрете, представленном хроникёром. Дерели смягчает отрицательный «заряд» слов, которые рассказчик использует для описания своих ожиданий, касающихся облика Князя: «грязного оборванца», «испитого от разврата и отдающего водкой». Вероятно, посчитав такую лексику не подходящей для художественного произведения, переводчик употребляет слова с редуцированной негативной коннотацией, лишённые эмоционального заряда оригинального текста: «*bohème débraillé*» («ведущего беспорядочный образ жизни, развязного»), «*aux traits flétris par le vice et les excès alcooliques*» («с увядшими чертами от разврата и злоупотреблений алкоголем»). Таким образом, он делает ожидания хроникёра менее яркими, а амбивалентность образа героя менее явной. Кроме того, Дерели выбирает двусоставное предложение («*Je trouvai*» – «Я находил») для перевода неопределённо-личной конструкции («Это был»), характерной для метода портретирования Достоевского. Такая трансформация не только препятствует передаче идиостиля писателя на французский язык, но и нарушает общий ритм повествования. Однако важно отметить, что Дерели предпринял попытку передать лексику, с помощью которой автор воспроизводит романтический ореол Князя: «самый изящный джентльмен». Для перевода этого словосочетания Дерели использует не его прямой эквивалент, а синоним: «*le gentleman le plus correct*» («джентльмена самого пристойного»). В целом, с помощью данного лексического варианта Дерели удаётся обозначить загадочность, притягательность и аристократичность образа Ставрогина, противопоставленную ожиданию увидеть порочного человека. При этом переводчик допускает редукцию романтической коннотации оригинальных

¹ Здесь и далее курсив наш. – Н.Б., О.С.

определений, что так же служит снижению стилистической выразительности авторского указания на двойственность Князя. В качестве удачной переводческой трансформации стоит также отметить то, как Дерели передал на французский язык характерное прилагательное «испитой». Для отражения его значения: измождённости и истощения от постоянного употребления алкоголя переводчик использует лексическое выражение: «aux traits flétris» (с увядшими чертами), что в целом соответствует смыслу исходной лексемы. Однако Дерели снижает выразительность фразы, которая свидетельствует о неожиданности несоответствия реального образа Ставрогина распространившимся о нём слухам. Это происходит из-за перестановки противительного союза «напротив», который в оригинале открывал предложение.

Маркович, в отличие от Дерели, в своём переводе сделал выбор в пользу более точных эквивалентов для слов, используемых для характеристики морально распавшейся личности: «оборванца отвратительного», «пропитанного развратом и пахнущего водкой»:

С. « Je m'attendais à rencontrer une *sorte de loqueteux dégoûtant, imbibé de débauche et sentant la vodka. Au contraire, c'était le gentleman le plus élégant* de tous ceux qu'il me fut jamais donné de rencontrer, particulièrement bien vêtu, et se tenant comme ne pouvait se tenir qu'un homme habitué à une bienséance des plus raffinées » [Dostoïevski, 1995, с. 74].

«Я ожидал встретить *нечто вроде оборванца отвратительного, пропитанного развратом и пахнущего водкой. Напротив, это был джентльмен самый изящный* из всех, кого мне когда-либо доводилось встретить, особенно хорошо одетый, державшийся лишь как мог держаться человек (мужчина), привыкший к благопристойности из самых утончённых».

Переводчик сумел передать неожиданность впечатления хроникера о внешности Ставрогина, оставив в переводе союз «напротив» в начале предложения, как и в исходном тексте, и предложил более точный перевод лексики, передающий загадочность образа Князя («le gentleman le plus élégant» – «джентльмен самый изящный»). При этом Маркович, в отличие от Дерели, не обратил внимание на особенность семантики прилагательного «испитой». Возможно, переводчик увидел в основе этого слова глагол «пить» и перевёл его на французский язык с помощью причастия «imbibé» («пропитанный»). В результате в современном переводе несколько искажаются заочные представления хроникера о Ставрогине.

Двойственность Николая Всеволодовича отражается также и во мнениях окружающих, которые удивительным образом противоречат друг другу:

А. «Они резко разделились на две стороны, — в одной *обожили* его, а в другой *ненавидели* до кровомщения <...> Одних особенно прельщало, что на душе его есть, может быть, какая-нибудь *роковая тайна...*» [Достоевский, 1974, т. 10, с. 37].

В. « il eut parmi nos dames *des admiratrices et des ennemies*, mais les unes et les autres raffolèrent de lui. Il plaisait à celles-ci parce qu'il y avait peut-être *un affreux secret* dans son existence... » [Dostoïevsky, 1886, с. 25].

«были среди наших дам *обожательницы* и *враги*, но те и другие были без ума от него. Он нравился одним потому что был возможно *ужасная тайна* в его существовании...».

С. Elles se divisèrent violemment en deux partis: le premier l'adorait, le second lui vouait une haine sanglante <...> Ce qui séduisait surtout certaines, c'est qu'il portait, possiblement, dans l'âme, un genre de secret fatal...» [Dostoïevski, 1995, с. 74-75].

Они разделились резко на две стороны: первая его *обожала*, вторая *к нему испытывала кровавую ненависть* <...> Что соблазняло особенно, это то, что он носил, возможно, в душе, нечто вроде *роковой тайны...*».

Маркович дословно перевёл словосочетание («secret fatal» – «роковой тайны»), определяющее загадочность образа Ставрогина, возбуждающую интерес дам. Дерели для перевода этой характеристики Князя использует сочетание «un affreux secret» («ужасный секрет»), которое, в целом, передаёт значение исходного текста, но уступает в точности варианту Марковича. При передаче описания реакции дам на личность Ставрогина, Дерели изменяет синтаксический рисунок исходного текста, который Маркович стремится сохранить.

Особого внимания заслуживают фрагменты, описывающие первые впечатления повествователя от внешности Ставрогина, в которых хроникёр выражает свою настороженность от касающейся идеальности образа героя. Достоевский подбирает здесь стилистическое оформление, позволяющее ему изначально указать читателю на то, что совершенство облика Князя – иллюзия окружающих, он не тот, кого в нем хотят видеть. В полной мере это несоответствие реального человека сформировавшемуся о нем впечатлению раскроется в диалоге Ставрогина с Дашей: Николай

снимет с себя ореол романтического героя и признается в собственном бессилии [Булгакова, Седельникова, 2015, с. 238]:

А. «Поразило меня тоже его лицо: волосы его были *что-то уж очень черны*, светлые глаза его *что-то уж очень спокойны* и ясны, цвет лица *что-то уж очень нежен и бел*, румянец *что-то уж слишком ярок* и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, казалось бы *писанный красавец*, а в то же время как будто и *отвратителен*» <...> Росту он был *почти* высокого» [Достоевский, 1974, т. 10, с. 37].

В. «Son visage me frappa aussi :il avait des cheveux *très noirs*, des yeux *clairs* d'une sérénité et d'un calme *peu commun*, un teint blanc et délicat, des dents semblables à des perles, et des lèvres qui rivalisaient avec le corail. Cette tête faisait l'effet d'un *beau portrait*, et cependant il y avait en elle un je ne sais quoi de *repoussant* <...> D'une taille *assez élevée*» [Dostoïevsky, 1886, с. 26].

«он имел волосы *очень чёрные*, глаза *светлые*, ясности и спокойствия *необычного*, цвет лица *белый и нежный*, зубы, похожие на жемчужины и губы, которые соперничали с кораллом. Это лицо производило эффект *красивого портрета*, и, тем не менее, было в нём я не знаю, что *отталкивающее* <...> Роста *достаточно* высокого».

С. « ses cheveux étaient *comme vraiment très noirs*, ses yeux clairs *comme vraiment très paisibles* et limpides, le teint *comme vraiment très tendre et pâle*, mais d'une santé *trop* claire et certaine, ses dents, de vrais rangs de perles, ses lèvres, du corail – on aurait dit, *le plus bel* homme possible, et, en même temps, il avait comme quelque chose de *repoussant*. <...> De taille, il était *presque* grand » [Dostoïevski, 1995, с. 75-76].

«его волосы были *будто в самом деле очень черные*, его глаза светлые – *будто очень спокойные и чистые*, цвет лица *будто на самом деле очень нежный и бледный*, но здоровья *слишком ясного и несомненного*, его зуб – настоящие ряды жемчужин, его губы – коралл – казалось, *самый красивый мужчина (человек)*, какой может быть, и, в то же время, он имел будто что-то *отталкивающее* <...> Ростом, он был *почти* высокий».

Чтобы показать странность образа Князя, которая должна привлечь внимание читателя и заставить его с самого начала размышлять о сущности героя, Достоевский использует повторы неопределённого местоимения «что-то» вместе с частицей «уж». Дерели, вероятно, посчитал это многократное лексическое повторение недостатком словесного мастерства русского романиста принял решение скорректировать текст и убрать повторы. Таким образом, в первом переводе романа «Бесы» на французский язык таинственный

ореол, окружающий образ Ставрогина, с помощью которого автор руководит читательским восприятием и указывает на необходимость вдумчивого, внимательного осмысления героя и разгадки его тайны, оказывается нивелирован. Современный переводчик, напротив, внимателен к характерным особенностям идиостиля Достоевского, что проявляется в понимании функциональной важности повторов и параллельных синтаксических конструкций. Он стремится к передаче этих особенностей, соединяя частицы «comme» («будто»), вводное сочетание «vraiment» («в самом деле»), и наречие «très» («очень») перед прилагательными, служащими для описания облика Князя. Примечательно и то, что эти лексические единицы не характерны для письменного регистра французского литературного языка и употребляются его носителями преимущественно в устной речи. Однако их применение позволило Марковичу передать особенности идиостиля Достоевского и актуализировать авторские интенции в портрете героя, которые не отразились в идеальном, с точки зрения французской стилистики, переводе Дерели. Маркович также выбирает более подходящий эквивалент для наречия «почти», («presque» – «почти»), который в большей степени, чем лексический вариант Дерели («assez» – «достаточно»), отражает незавершенность характеристики Князя и соответствует замыслу Достоевского. При этом оба переводчика затрудняются дать адекватный французский перевод последнего предложения фрагмента, Дерели в переводе опускает описание лица Ставрогина «румянец что-то уж слишком ярк и чист», а Маркович значительно трансформирует исходный текст: «mais d'une santé trop claire et certaine» («но здоровья слишком ясного и несомненного»), усиливая неестественность образа героя, созданную автором. Маркович более точно воспроизводит синтаксический рисунок исходного текста, в то время как Дерели меняет грамматическую основу в предложениях («Волосы его были» – «il avait des cheveux» («он имел волосы»), заменяя двусоставные предложения на односоставные («Росту он был почти высокого» – «D'une taille assez élevée» («Роста достаточно высокого»). Автор завершает описание внешности Ставрогина, идеальность которой претит, оксюмороном «красавец-отвратителен», который оба переводчика сумели воспроизвести.

Важной деталью первого портрета Ставрогина становится описание его манеры держать себя, в которой также нашла отражение противоречивость сущности Князя. Эти первые указания на амбивалентность личности Ставрогина подготавливают понимание его

главной трагедии, заключающейся в том, что он «ни холоден, ни горяч» [Мелетинский, 2001, с. 131], а лишь находится в некоем среднем положении, что в полной мере раскроется в главе «У Тихона». Поэтому необходимо обратить внимание на то, как переводчики подошли к передаче черт характера и поведения героя:

А. «...он был *не очень* разговорчив, изящен **без изысканности**, удивительно *скромен* и *в то же время смел и самоуверен* как у нас никто...» [Достоевский, 1974, т. 10, с. 37].

В. «...Il était *peu* causeur, élégant **sans recherche**, et d'une *modestie* étonnante, *ce qui ne l'empêchait pas* d'être plus *hardi* et plus *sûr* de soi que personne...» [Dostoïevsky, 1886, с. 25-26].

«...Он был *мало* разговорчив, изящен **без старания**, и *скромности* удивительной, *что ему не мешало* быть более *решительным* и более *уверенным* как никто...».

С. « Il était *assez peu* bavard, raffiné **sans maniérisme**, d'une *réserve* étonnante, et, *en même temps*, *audacieux* et *sûr* de lui comme personne chez nous <...> De taille, il était *presque* grand... » [Dostoïevski, 1995. с. 75-76].

«Он был *достаточно мало* болтлив, изящен **без вычурности**, *сдержанности* удивительной, и, *в то же время, смелый* и *уверенный* в себе как никто из нас...»

Знакома читателя с героем, Достоевский подчёркивает неполноту его характеристики с помощью отрицательной частицы «не» и наречия «очень». В силу грамматических особенностей французского языка калькирование этого приёма в тексте перевода невозможно, поэтому Дерели передал малую степень разговорчивости Ставрогина с помощью наречия «*peu*» («мало»), которое Маркович в своём переводе усилил с помощью частицы «*assez*» («достаточно»). Автор выражает наличие у героя противоположных черт характера («скромен» – «смел», «самоуверенен») с помощью устойчивого сочетания «*в то же время*», которое Дерели в своём переводе заменил на выражение «*ce qui ne l'empêchait pas*» («что ему не мешало»), а Маркович передал дословно («*en même temps*»), сохранив тем самым синтаксис исходной фразы. Более того, перевод Дерели сочетания «без изысканности» французским выражением «*sans recherche*» («без старания») демонстрирует его недостаточный уровень владения русским языком. Вероятно, выделив в слове «изысканность» семантическую основу «искать», переводчик выбрал для него французский эквивалент с такой же семантикой («*recherche*» – по фр.

«искание», «поиск»). Подобная трансформация искажает изначальный смысл, заложенный в тексте.

Важной деталью созданного Достоевским в начале романа психологического портрета Ставрогина становятся неразвёрнутые характеристики его образования и умственных способностей. Примечательно, что в данном фрагменте текста Достоевский лишь лаконично указывает на умственную амбивалентность героя, которая впоследствии раскроется более полно в его умении одновременно внушать противоположные идеи Шатову и Кириллову. Автор подчёркивает неполноту ментальных характеристик Князя, тем самым намекая на его нереализованный потенциал. Удивление хроникёра тем, что герой в представлении других людей, является высокообразованным человеком, также свидетельствует о неестественности его кажущегося совершенства:

А. «Оказалось тоже, что он *был весьма порядочно образован; даже с некоторыми познаниями* <...> он мог судить и о насущных, *весьма* интересных темах и, что всего драгоценнее, с замечательной рассудительностью. *Упомяну как странность: все у нас, чуть не с первого дня, нашли его чрезвычайно рассудительным человеком*» [Достоевский, 1974, т. 10, с. 37].

В. « De plus, on le trouvait *fort instruit* <...> il jugeait avec un bon sens remarquable les diverses questions courantes. *Je note ce point comme une particularité curieuse: presque dès le premier jour, tous chez nous s'accordèrent à reconnaître en lui un homme extrêmement sensé* » [Dostoïevsky, 1974, с. 26].

«К тому же, его находили *очень образованным* <...> он судил со здравым смыслом замечательным различные вопросы текущие. *Я отмечаю этот момент как особенность любопытную: практически с первого дня все среди нас согласились признать в нём человека чрезвычайно рассудительного*».

С. « Il s'avéra aussi qu'il avait une culture fort honnête ; avec, *même*, des connaissances <...> il pouvait juger d'un *certain* nombre de thèmes actuels des plus brûlants, et très intéressants, et, ce qui était le plus précieux, d'une façon particulièrement réfléchie. *Je noterai cela comme une étrangeté : tout le monde chez nous, et presque dès le premier jour, trouva qu'il était un homme extraordinairement réfléchi*» [Dostoïevski, 1995, с. 75].

«Оказалось, что он имел культуру *очень достаточную*; даже со знаниями <...> он мог судить о *некотором* числе тем актуальных, наиболее жгучих и очень интересных, и, что было наиболее ценным,

вдумчиво. *Я отмечу это как странность: все у нас и почти с первого дня нашли, что он был человеком необыкновенно вдумчивым».*

Характерной особенностью стилизового оформления фрагмента становится использование обстоятельственных уточняющих конструкций, создающих внешне впечатление многословия и являющихся указанием на некоторую неполноту проявления умственных качеств героя. Первый переводчик подвергает существенной трансформации указанные единицы («*был весьма порядочно образован; даже с некоторыми познаниями*» → «его находили *очень образованным*») и значительно изменяет фразу «он мог судить и о насущных, *весьма* интересных темах и, что всего драгоценнее, с замечательной рассудительностью». Маркович же стремится передать неоднозначность характеристики интеллектуальных способностей героя, используя сочетание наречия «fort» («очень») и прилагательного «honnête» («достаточная»), частицы «même» («даже») и прилагательного «certain» («некоторый»). Оба переводчика сумели отразить способность героя притягивать людей, не будучи человеком увлеченным и глубоко заинтересованным кем-либо («все <...> нашли его чрезвычайно рассудительным человеком»), а также странность этой черты Князя. Маркович, в большей степени, чем Дерели, сумел передать стилистические особенности фрагмента, с помощью которых автор подчеркивает потенциал сильной и способной личности, которой так и не суждено будет реализоваться.

Таким образом, в психологическом портрете Ставрогина последовательно отражается сущность героя, лаконично обозначенная в описании его внешности.

Важно обратить внимание на то, как Дерели и Маркович перевели описание Ставрогина хроникёром в тот момент, когда герой возвращается в родной город перед началом трагических событий, описанных в романе. Автор подчёркивает, что личность Князя осталась столь же загадочной и притягательной, как и во время его визита четырёхлетней давности, подчеркивая непроявленность его возраста. Примечательно, что Достоевский не представляет новой распространённой характеристики героя, внешность и характер которого должны были подвергнуться изменениям за четырёхлетний срок. Неизменность облика Князя свидетельствует об остановке его внутреннего развития, обусловленной его духовной мертвенностью.

А. «так же изыщен, так же важен, так же важно входил, как и тогда, даже почти так же молод. Легкая улыбка его была так

же официально ласкова и *так же* самодовольна; взгляд *так же* строг, вдумчив и **как бы** рассеян» [Достоевский, 1974, т. 10, с. 147].

В. «son extérieur était *aussi* distingué, sa démarche *aussi* imposante qu'à cette époque ; il semblait **même** être resté **presque** *aussi* jeune. Je retrouvai dans son léger sourire *la même* affabilité de commande, dans son regard *la même* expression sévère, pensive et distraite...» [Dostoïevsky, 1886, с. 192].

«его наружность была *так же* изящна, его походка *так же* величественна как в то время; он казался **даже** оставшимся **почти** *таким же* молодым. Я находил в его лёгкой улыбке *ту же* обязательную любезность, в его взгляде *то же* строгое выражение, задумчивое и отвлечённое...»

С. «*aussi* élégant, *aussi* grave, *la même* démarche *aussi* grave **qu'à l'époque, et, même, presque** *aussi* jeune. Son sourire léger était toujours *aussi* officiellement affectueux, *aussi* satisfait de lui-même ; son regard *aussi* sévère, pensif et **comme** distrait...» [Dostoïevski, 1995. с. 311].

«так же изящён, так же важен, та же походка *такая же* важная **как раньше, и, даже, почти** *так же* молод. Его улыбка лёгкая была всё *так же* официально ласкова, *так же* самодовольна; его взгляд *так же* строг, задумчив и **будто бы** отвлечён».

Фраза хроникёра отличается особой ритмичностью, созданной благодаря семикратному повторению наречия «так» с частицей «же» перед прилагательными, характеризующими Ставрогина. Мы видим, что оба переводчика постарались передать структуру фразы, сохранив в переводе ритм оригинала. При этом Дерели принял решение скорректировать повторение Достоевским краткого прилагательного «важен» и наречия «важно», использованного в тексте для характеристики Князя как личности, которую окружающие принимают как загадочную и сильную личность, и, по этой причине, добровольно попадают под его влияние. Вероятно, переводчик принял данное повторение за стиливую погрешность писателя, поэтому посчитал нужным опустить в переводе конструкцию «так же важен». Маркович же сохранил этот лексический повтор («*aussi grave*»). Оба переводчика передали на французский язык усилительную частицу «даже», частицу «как бы» и наречие «почти», которые хроникёр использует, чтобы показать, что характерные черты Ставрогина остались такими же неполными. Маркович передаёт союз «как бы» («*comme*»), который опускает Дерели, и который в оригинале текста позволяет выразить загадочность взгляда Ставрогина, скрывающую от наблюдателей его мысли.

Сопоставление оригинального текста и переводов выбранных фрагментов романа Достоевского «Бесы» показывает, что Дерели и Маркович по-разному подходят к передаче портрета Ставрогина на французский язык. Маркович, в отличие от Дерели стремится воспроизвести в переводе ритмический и синтаксический рисунок. Дерели использует значительное количество функционально не обоснованных лексических и грамматических трансформаций.

Грамматические трансформации и перестановки, которые использует Дерели, часто ведут к разрыву лексических сочетаний, важных для понимания сущности героя. Это становится причиной разрушения эффекта неожиданности и неопределённости и лишает образ персонажа противоречивости, служащей ключом к разгадке его сущности.

Дерели нивелирует особенности идиостиля Достоевского: лексические повторы, «нанизывание» синонимов, активное употребление вводных слов, союзов и частиц, принимая их за недостатки художественной манеры романиста. Стремясь сгладить стиль писателя и сделать текст соответствующим нормам французского литературного языка, переводчик, не понимая того, разрушает тонкую работу Достоевского со словом. В этом сказывается и некоторая случайность обращения Дерели к деятельности переводчика [Lombes, Kulesa, 2007, с. 241], и особенности представлений о художественном переводе в конце XIX в., когда доминировало представление о важности передачи событийной канвы произведений, но не принималась в расчет ценность сохранения стилистической природы оригинального текста.

В целом Маркович более тщательно выбирает эквиваленты, что, вероятно, обусловлено его билингвизмом. Однако справедливо отметить, что порой выбранные им лексические варианты для перевода текста, обуславливают смысловые искажения в переводе романа.

Последний перевод романа «Бесы» на французский язык принадлежит совсем другой эпохе, для которой уже оказывается ценной не только сохранение событийной канвы переводимого произведения, но пристальное внимание к тому, как писатель воспроизводит эти события. Маркович часто нарушает требования французского письменного языка, используя вводные конструкции, лексику и структуру фразы, свойственную устной речи французов. Эти приёмы позволяют ему максимально возможно воспроизвести стиль писателя, передав базовые характеристики Ставрогина, поддерживая и

усиливая те смыслы, которые начинают обозначаться на сюжетном уровне. Однако стоит отметить, что обилие подобных разговорных лексических и грамматических конструкций, не вписывающихся для французов в рамки художественного произведения, затрудняют восприятие романов Достоевского как литературного текста.¹

Таким образом, сравнение первого и последнего франкоязычных переводов романа Ф.М. Достоевского «Бесы» позволяет увидеть эволюцию подхода к переводу произведений русского романиста во Франции. Первый переводчик не ставил перед собой задачу отражения индивидуального стиля писателя, в результате чего он не сумел передать в полной мере характеристики Николая Ставрогина, важные для понимания его трагедии. Билингвизм Марковича, его новаторский подход к передаче устного регистра текста, а также существенное изменение представлений о задачах художественного перевода и пристальное внимание к вопросам текстологии и идиостиля Достоевского в современном гуманитарном знании способствовали созданию более точного перевода портретного описания героя. Однако явные преимущества метода Марковича не исключают смысловых искажений и в его переводе.

Результаты проведённого анализа подтверждают необходимость тщательного изучения способов передачи особенностей идиостиля Ф.М. Достоевского в переводах его произведений на французский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 416 с.

Булгакова, Н. О. Портрет Ставрогина: к вопросу об особенностях идиостиля Ф.М. Достоевского в романе «Бесы» / Н. О. Булгакова, О. В. Седельникова // Вестник науки Сибири. – № 15. – Ч. 2: Спецвыпуск, 2015. – С. 235-239.

¹ О том, что французские читатели романов Достоевского в переводе А. Марковича воспринимают текст скорее как литературный эксперимент, а не художественное произведение, писала в своей диссертации О.И. Костикова. См.: [Костикова, 2002].

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10 / Ф. М. Достоевский – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – 514 с.

Дудкин, В. В. Достоевский в Германии (1846-1921) / В. В. Дудкин, К. М. Азадовский // Лит. наследство. Т. 86. – Москва: Наука, 1973. – 659-740.

Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. – Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2008. – 470 с.

Костикова, О. И. Трансформации и деформации как категории переводческой критики: автореферат дис. ... канд. филол. наук / О. И. Костикова. – Москва, 2002. – 25 с.

Маркович, А. Заметки французского переводчика Достоевского / А. Маркович // Достоевский: Материалы и исследования. – Санкт-Петербург: Изд-во Д. Буланин, 1996. – С. 254-259.

Мелетинский, Е. М. Заметки о творчестве Достоевского / Е. М. Мелетинский. – Москва: Изд-во РГГУ, 2001. – 190 с.

Оливьери, К. Достоевский в Италии. Столетие критической мысли / К. Оливьери // Достоевский и XX век. Под редакцией Т.А. Касаткиной. В 2 т. Т. 2. – Москва: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 553-566.

Сырица, Г. С. Поэтика портрета в романах Ф.М. Достоевского: Монография / Г. С. Сырица – Москва: Гнозис, 2007. – 408 с.

Camus, A. Les possédés. Prière d'insérer (avril 1959) Dostoievski. Les possédés. Présentation /A. Camus // Théâtre, récits, nouvelles. Préface par Jean Grenier; Textes établis et annotés par Roger Quilliot – P.: Gallimard, 1962.

Dostoïevsky Th. Les Possédés. trad. du russe par Victor Derély. T. 1 / Th. Dostoïevsky – P.: E. Plon, 1886.

Dostoïevski F. Les démons. Première partie. Traduit du russe par André Markowicz. / F. Dostoïevski – P.: Babel, 1995.

Gide, A. Les Frères Karamazov / A. Gide // Figaro – № 94, 1911.

Lombez, C., Kulessa, R. De la traduction et des transferts culturels. / C. Lombez., R. Kulessa – P.: L'Harmattan, 2007.

Suarès, A. Lettre à Roland, 7 septembre 1888 / A. Suarès // Cette âme ardente – P.: Albin Michel, 1954.